

© 2022 г. В.Б. Кувалдин

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

Кувалдин Виктор Борисович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой общественно-гуманитарных дисциплин Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: vkuvaldin@yandex.ru

Researcher ID: GRY-5279-2022

V.B. Kuvaldin

TO THE MEMORY OF MY MENTOR

Victor Kuvaldin, Moscow State Lomonosov University (Moscow, Russia).

E-mail: vkuvaldin@yandex.ru

Researcher ID: GRY-5279-2022

В начале этого года до меня дошла скорбная весть, что мой научный руководитель Александр Абрамович Галкин ушел в мир иной. А я-то верил, что он наперекор всему возьмет и отпразднует свой 100-летний юбилей, до которого оставалось всего ничего, около полугода. Увы, не судьба.

Я познакомился с Александром Абрамовичем при необычных обстоятельствах в критически важный момент моей молодости. Дело было в далеком 1965 г. на комиссии по распределению выпускников кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ. Александр Абрамович, сам выпускник истфака, приехал в качестве заведующего отдела Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) подбирать молодых, перспективных сотрудников. А меня допустили к этому таинству в качестве представителя комсомольского бюро курса.

Мы сидели рядом. Моей функцией была краткая характеристика моих одногруппников, так сказать, их общественного лица. Разумеется, я старался всех их представить в выигрышном свете. А Александр Абрамович широко жестом брал на работу одного, другого, третьего. В конце концов очередь дошла и до моей скромной персоны. Я хотел остаться на кафедре, написать диссертацию по Бенедетто Кроче, но заведующий кафедрой Илья Саввич Галкин сказал, что вакансий нет. В этот момент Александр Абрамович наклонился ко мне и тихо спросил: «А может, сойдемся на современности?». Не раздумывая, я ответил: «А почему бы и нет?».

Так он стал не только моим завотделом, но и научным руководителем моей кандидатской диссертации по интеллигенции в послевоенной Италии. Конечно, в тот далекий летний день я не ве-

дал, какой королевский подарок мне преподнесла судьба с появлением в моей жизни Александра Абрамовича. Для меня он стал не только идеальным начальником, наставником, но и старшим товарищем. В то время я нередко бывал у него дома, благо он жил неподалеку от старого здания ИМЭМО рядом с метро ВДНХ. Помню, в 1967 г. он пригласил меня на свое торжество в роскошный московский ресторан и посадил безвестного аспиранта между собой и несколько припоздавшим Георгием Аркадьевичем Арбатовым, стремительно восходившей звездой советской политической аналитики.

Несмотря на явное расположение, не могу сказать, что Александр Абрамович пускался со мной в откровенные разговоры по душам. Не таков был формат наших отношений, да и жизнь причила его к большой сдержанности и даже закрытости. Поэтому мне скорее приходилось догадывать его скупые рассказы о себе догадками и предположениями.

Насколько я знаю, Большой террор конца 1930-х годов опалил, но не спалил его семью. Отец потерял работу и немалый социальный статус управляющего «Белгоскино», но арестован не был, что тогда можно было считать большой удачей. 18-летний Саша Галкин спокойно закончил среднюю школу в Минске в 1940 г. и был направлен по призыву в Московский военный округ.

Как очень многие фронтовики, о войне рассказывать он не любил. Из его редких воспоминаний у меня почему-то сложилось устойчивое представление, что он прошел ее военным корреспондентом. Но в действительности благодаря свободному владению немецким языком он честно отработал свое в армейской разведке. Его основной задачей была подготовка разведгрупп для работы в тылу

врага. В этом качестве в условиях военного времени он брал на себя прямую ответственность за их дальнейшую судьбу. Судя по всему, дело свое Александр Абрамович знал и из испытаний той суровой поры вышел с честью.

В победном 1945-м гвардии капитан был откомандирован на службу в Советскую военную администрацию в Германии (СВАГ). Параллельно он заочно учился на историческом факультете МГУ.

Полагаю, что именно тогда Александр Абрамович сформировался как первоклассный политический аналитик-международник. Ведь в те годы германский вопрос был в центре мировой политики. А его основной задачей были сбор и анализ информации о происходящем в западных зонах оккупации. Он почти никогда не распространялся на эту тему, но один рассказ врезался мне в память. Как-то раз ему сказали, что в коридоре его ждет посетитель: у окна стоял старик в непрезентабельной одежке. Они содержательно побеседовали на разные животрепещущие темы и, только распрощавшись, он вдруг поймал себя на дискомфортном ощущении, что старик-то оставил его по всем статьям. Позже он узнал, что это был Конрад Аденауэр, будущий первый канцлер ФРГ.

В 1949 г. Александр Абрамович вернулся в Москву, чтобы продолжить учебу на истфаке МГУ в качестве аспиранта. По моим ощущениям, это вряд ли было его добровольным решением. Вероятно, на немецкой земле его настигла кампания против космополитов, и он, повторяя судьбу отца, лишился работы и статуса. Закончив аспирантуру, он успешно защитил кандидатскую диссертацию на вполне академическую тему о рейнском сепаратизме. В тот же год его пригласили в журнал «Международная жизнь», где он проработал 10 лет. У Александра Абрамовича было легкое, отточенное перо. Он мог быстро выдать «на гора» отработанные тексты большого объема на разные актуальные темы. Но в отличие от многих «людей пера» не скользил по поверхности, любясь красотой слога. Он стремился докопаться до сути, дойти до первооснов. Того же ждал и от других.

Поэтому его путь был означен. В 1963 г. он пришел в ИМЭМО, в институт и журнал «Мировая экономика и международные отношения» в качестве заместителя главного редактора. И с тех пор, более полувека, его порт постоянной приписки — академический мир. А еще через пару лет он и меня любезно пригласил на академическую стезю.

Это было везение в квадрате. В середине 1960-х ИМЭМО — наиболее сильный «мозговой центр» супердержавы, еще двигавшейся по восходящей траектории. Даже после университета здесь меня ждал культурный шок: такая концентрация вольнодумцев в ограниченном, замкнутом, но комфортном пространстве. И это в стране «развитого социализма»!

В СССР не было и не могло быть гражданского общества, такую вольность система позволить себе не могла. Но были загерметизированные про-

странства с повышенным содержанием кислорода, в которых дозволялось и даже поощрялось вольнодумство. Самой большой и внушительной из этих «кислородных подушек» была система академических институтов, в которых в условиях скупости наиболее любознательных граждан страны. Эта конструктивная особенность системы обрела особую ценность в то время, когда неспешно, но неминуемо власть предрекавшие хоронили хрущевскую оттепель.

Ярчайшим событием моего аспирантского життя-бытия стало знакомство с фундаментальным исследованием Александра Абрамовича, посвященным феномену германского фашизма. В советской публицистике того времени господствовал какой-то оглушенно-карикатурный образ фашизма. А.А. Галкин не побоялся представить его во весь рост как умного, сильного, коварного и смертельно опасного врага. Более того. После войны прошло чуть больше двух десятилетий, еще саднила память о пережитой вселенской трагедии, еще кровоточили не затянувшиеся раны, а он написал на эту взрывоопасную тему академический труд, отвечавший самым строгим научным критериям. Написал, защитил как докторскую диссертацию, вынес на публичное обсуждение в виде индивидуальной монографии.

Это был поступок. Наверное, такое мог себе позволить только гвардейский офицер-орденоносец, ответственный сотрудник СВАГ, еврей по национальности. И просто мужественный человек, не боявшийся смотреть правде в лицо, сколь горькой она бы ни была. Вместе с Борисом Рэмовичем Лопуховым, спустя десятилетие опубликовавшим свою фундаментальную монографию об итальянском фашизме, Александр Абрамович заложил в отечественной науке добротную основу для изучения этого сложнейшего феномена.

Странно, но я никогда не спрашивал Александра Абрамовича о его отношении к Германии, которой он в сущности занимался всю жизнь. Думаю, что оно было объемным, многогранным, но глубоко уважительным. Не такой он был человек, чтобы потратить жизнь на изучение страны, от которой воротило бы его душу.

Институтский период его научной карьеры оборвался резко и неожиданно. Как я понимаю, он не пришелся ко двору при новом директоре Н.Н. Иноземцеве, и, будучи человеком гордым, с обостренным чувством собственного достоинства, предпочел уйти. Перед уходом он предложил нескольким своим сотрудникам, в том числе и мне, уйти вместе с ним. Не помню, чтобы кто-то из нас согласился. При всем уважении и неподдельной симпатии к Александру Абрамовичу расстаться с этим островком свободы оказалось выше наших сил. Наверное, Александр Абрамович сильно обиделся. И по-своему был совершенно прав.

Однако это чувство правоты и законной обиды вовсе не помешало ему прийти нам на помощь,

когда в начале 1980-х годов несколько ведущих сотрудников его бывшего отдела попали в жернова Истории с большой буквы. В то время на самом верху подспудно разгоралась настоящая подковерная схватка за брежневское наследство. Одной из разменных фигур в этой большой игре без правил стал директор нашего института, любимец Леонида Ильича, член ЦК КПСС академик Н.Н. Иноземцев. На него устроили настоящую охоту с широким применением проверенного советским временем аппаратного арсенала средств индивидуального и массового поражения. По законам жанра в зоне поражения оказался и институт, давно бывший бельмом в глазу отечественных держиморд. В ИМЭМО тоже нашлись любители половить рыбку в мутной воде. Как и подобает опытному фронтовику, Александр Абрамович помог нам выйти из-под огня, благополучно приземлиться у него в отделе в Институте международного рабочего движения АН СССР и переждать там лихую пору.

В постсоветской России судьба вновь свела меня с Александром Абрамовичем в Горбачев-фонде, где он и я трудились два десятилетия. Правда, у нас было мало общих проектов, поэтому и общение вышло ограниченным и прерывистым. Только под занавес, перед уходом из фонда в 2011 г., мы тесно сотрудничали в одной из обобщающих аналитических работ под руководством Анатолия Сергеевича Черняева, который в моей и, подозреваю, судьбе Александра Абрамовича сыграл огромную роль.

А вот последняя встреча с Учителем удалась на славу. Где-то через полгода после нашего совместного ухода из фонда меня пригласили на его 90-летие, которое за щедрым дружеским столом отмечали в Институте социологии РАН, где Александр Абрамович завершил свою академическую карьеру. Когда директор института, он же тамада, академик Михаил Константинович Горшков дал мне слово, я произ-

нес длинный, прочувствованный спич. В него вложил все свое уважение, благодарность и почитание этого человека. Очень надеюсь, что в тот памятный день Александр Абрамович простил мне все вольные и невольные прегрешения.

Накрепко и надолго связав свою жизнь с Академией наук, Александр Абрамович менее всего походил на «книжного червя». Он был человеком с ясной и твердой гражданской позицией, погруженным в море политических страстей. В нем неразрывно соединились два лучших продукта советской истории: поколение, которое ценой своей жизни остановило и вытравило «коричневую чуму» фашизма, и та небольшая, но значительная часть следующего поколения, которая всеми силами старалась очеловечить казенно-бюрократический социализм. Он был вхож в высокие кабинеты на Старой площади, велеречиво именуемым «ленинским штабом нашей партии», гигантскую кухню, где творилась большая политика советской сверхдержавы. Он был дружен с людьми, выходящими на самый верх. Он по праву принадлежал к немногочисленной, но влиятельной когорте системных реформаторов.

Он никогда не жаловался, но, наверное, в конце очень долгого жизненного пути ему горько было видеть, как на их место пришли продукты разложения советской системы, люди без моральных принципов, но с доведенными до автоматизма хватательными инстинктами. Тем не менее, будучи историком и умным человеком, он, полагаю, ни на минуту не забывал, что ничто на Земле не проходит бесследно. У него были все основания сказать о себе, что старый солдат до конца выполнил свой воинский, гражданский, нравственный долг.

Думаю, что я был довольно проходной фигурой в насыщенном людьми и событиями вековом земном пути Александра Абрамовича. Но для меня встреча с ним стала одной из важнейших в жизни.